

Цинь Чаньюань поднял бровь:

— Кто только что просил меня называть его Вэньжуй?

Се Вэньжуй наконец расслабился и улыбнулся:

— Это я, спасибо, Чаньюань!

Они продолжили беседу, и разговор затянулся с вечера до глубокой ночи. Оба нашли общий язык и были довольны общением.

Хотя Се Вэньжуй сначала был робким и застенчивым, он оказался человеком с интересными идеями. После того как он сблизился с Цинь Чаньюанем, его словно прорвало, и он начал делиться своими мыслями о пути меча, что заставило Цинь Чаньюаня взглянуть на него с новым уважением.

И, что самое главное, он не был слепым поклонником Истинного человека Унянь!

Пока они разговаривали, Се Вэньжуй начал проявлять признаки усталости, и Цинь Чаньюань, заметив это, вежливо предложил закончить беседу на сегодня.

Се Вэньжуй, едва держась на ногах, улыбнулся:

— Сегодня ночь полнолуния, и я познакомился с Чаньюанем. Это просто прекрасно.

Полнолуние?

Эти слова прозвучали как взрыв в ушах Цинь Чаньюаня. Сегодня была ночь полнолуния!

Цинь Чаньюань постарался сохранить спокойное выражение лица, улыбнулся и проводил Се Вэньжуя, но внутри его охватила тревога.

Как он мог забыть? Ночь полнолуния была днем, когда яд Гу в теле Сяо Юньцзиня начинал действовать.

В те времена, когда клан Гунсунь действовал коварно, стремясь поглотить семью Сяо, они не пощадили даже детей. Они тайно подложили яд Гу Сяо Юньцзиню, когда тот проявил свои таланты. Этот яд был настолько коварен, что его сила росла вместе с Сяо Юньцзинем. Чем сильнее он становился, тем больше боли приносил ему яд.

Когда Цинь Чаньюань был в Вратах Цин, он изо всех сил старался убить паразитов в теле Сяо Юньцзиня, но яд Гу оставался неразрешимой проблемой. Он все еще оставался в теле Сяо Юньцзиня, причиняя ему боль, но больше не угрожал его жизни.

К счастью, яд Гу действовал только раз в месяц, и в те времена в Вратах Цин его учитель помогал ему пережить этот день.

После того как Цинь Чаньюань проводил Се Вэньжуя, он поспешно вышел из дома. Ему нужно было найти Сяо Юньцзиня. С его нынешней силой, та боль, которую он испытывал, вряд ли была чем-то, что можно было просто перетерпеть.

Но едва Цинь Чаньюань вышел за порог, его шаги внезапно остановились.

Неужели за те пятьсот лет, что его не было, Сяо Юньцзинь все это время мучился?

Если он действительно заботился о Сяо Юньцзинь, почему он так безжалостно не подумал об этом? Он вернулся лишь потому, что ему самому было плохо, и теперь хотел лицемерно что-то сделать для Сяо Юньцзиня.

Но что он мог сделать?

Все сводилось к тому, что если он протянет руку помощи Сяо Юньцзиню, когда тот страдает, то чувство вины, которое мучило его долгое время, немного ослабнет. Он все еще оставался в роли дающего, чтобы удовлетворить свои эгоистичные желания.

Цинь Чаньюань прислонился к дверному косяку, глядя на круглый нефритовый диск на темно-синем небе, не зная, что делать.

Никто не мог бы сделать лучший выбор в его ситуации, даже Истинный человек Унянь.

Цинь Чаньюань вздохнул. Трусость и отвращение к самому себе заставили его отступить, не сделав шаг за пределы двора.

Может, лучше не лезть туда, где не ждут.

Вместо того чтобы раскрывать свою нынешнюю личность и навлечь на себя ненависть и обвинения Сяо Юньцзиня, лучше оставить его в неведении.

Но как только он собрался уйти, его острый слух уловил звук, похожий на падение тяжелого предмета.

Цинь Чаньюань вздрогнул и поспешил на звук, сразу увидев упавшего на землю Сяо Юньцзиня.

В этот момент Цинь Чаньюань начал верить в волю Небес.

Яд Гу уже начал действовать. Лицо Сяо Юньцзиня было бледным, как у зомби, выкопанного из могилы. Его брови были сведены от боли, а все тело сжалось в комок от невыносимых страданий.

Цинь Чаньюань медленно прикоснулся к его лбу, почувствовав, как все тело Сяо Юньцзиня дрожит.

Цинь Чаньюань тихо вздохнул:

— Юньцзинь, Сяо Юньцзинь...

Сяо Юньцзинь полностью потерял сознание. Действуя инстинктивно, он, несмотря на муки от яда, искал тепла. Когда Цинь Чаньюань хотел убрать руку, Сяо Юньцзинь слабо застонал, его глаза были плотно закрыты. Он, казалось, прикусил язык, и капли крови стекали по уголку его рта. Он не замечал этого, прижимался щекой к руке Цинь Чаньюаня, тихо стоная.

В тот момент сердце Цинь Чаньюаня сжалось от боли. Когда Сяо Юньцзинь был еще ребенком, он помогал ему выводить яд, чтобы облегчить его страдания.

После того как Сяо Юньцзинь почувствовал облегчение, он каждый месяц в ночь полнолуния приходил к Цинь Чаньюаню.

С тех пор Цинь Чаньюань помогал Сяо Юньцзиню избавляться от яда Гу, никогда не пропуская

ни одного раза.

Глядя на побледневшие губы Сяо Юньцзиня, Цинь Чаньюань боялся даже представить, как тот пережил эти пятьсот лет.

Цинь Чаньюань легонько похлопал Сяо Юньцзиня по щеке, наклонился к его уху и тихо, с неподдельной нежностью, произнес:

— Юньцзинь, учитель здесь, тебе нечего бояться.

В тот момент Сяо Юньцзинь сильно вздрогнул. Цинь Чаньюань испугался, нахмурился и хотел помочь ему подняться, но Сяо Юньцзинь, подумав, что Цинь Чаньюань хочет уйти, застонал от боли, его руки беспорядочно двигались, словно пытаясь найти Цинь Чаньюаня.

Он был без сознания, как ребенок, который ищет утешения у старшего.

Цинь Чаньюань сжалился над ним и подставил свою руку, чтобы тот мог ухватиться за нее.

Как только Сяо Юньцзинь коснулся теплого предмета, он крепко сжал его, и его глаза наполнились слезами. Ноги Сяо Юньцзиня не могли держать его, он шатался и бросился в сторону Цинь Чаньюаня, обняв его с болью.

Цинь Чаньюань был на голову ниже Сяо Юньцзиня и не смог удержать напор. Он отшатнулся назад, не сумев погасить силу удара, и упал на землю.

Сяо Юньцзинь всей своей тяжестью обрушился на него, его тело было горячим, и Цинь Чаньюань почувствовал, как будто его внутренности сжимаются под этим давлением.

Сяо Юньцзинь, испытывая невыносимую боль, закричал, крепко схватив того, кто был под ним, и бормотал что-то невнятное.

Цинь Чаньюань прислушался и понял, что тот повторял:

— Учитель.

Горло Цинь Чаньюаня сжалось, и в его сердце постепенно разливалась горечь. Он одной рукой обнял Сяо Юньцзиня за шею, медленно опустил ее и начал мягко похлопывать его по спине, тихо говоря:

— Хороший мальчик.

Цинь Чаньюань изо всех сил тащил Сяо Юньцзиня обратно в свою комнату. По пути он бессознательно бросил взгляд на двор Сяо И. В доме было темно, и он почувствовал облегчение.

Хорошо, что Сяо И не было дома, иначе, если бы он заметил такой шум, было бы трудно объяснить.

В бессознательном состоянии Сяо Юньцзинь был тяжел, как гора. Цинь Чаньюань с трудом бросил его на кровать, сам опустился на край и тяжело дышал, пытаясь прийти в себя.

Цинь Чаньюань, вытирая пот, подумал:

«Мне всего пятнадцать лет...»

Неужели тяготы жизни уже легли на мои юные плечи?

Беспокойные движения Сяо Юньцзиня на кровати вернули Цинь Чаньюаня к реальности. Он смирился, встал и принес таз с горячей водой.

Так называемое выведение яда Гу на самом деле не было решением проблемы. Оно заключалось в использовании контролируемой духовной энергии Цинь Чаньюаня, чтобы впитать бурлящий яд, уменьшая его количество и облегчая страдания Сяо Юньцзиня.

Но пока Сяо Юньцзинь не избавится от этого мучительного яда, эта ужасная боль будет продолжаться.

Пока однажды Сяо Юньцзинь не сломается и не сойдет с ума от мучений.

Цинь Чаньюань почувствовал тяжесть на сердце.

Этот яд можно было бы вылечить, но первый шаг был для него недоступен. Для противоядия требовался один ингредиент — Цветок Вечной Жизни Десяти Тысяч Образов.

Цветок Вечной Жизни Десяти Тысяч Образов был невероятно редким. Легенды гласили, что он растет в местах, где сменяются крайний холод и жара, и охраняется гигантским ядовитым огненным питоном, что делало его добычу крайне опасной.

Но если бы это было единственной проблемой, Цинь Чаньюань бы рискнул жизнью, чтобы добыть Цветок Вечной Жизни Десяти Тысяч Образов для Сяо Юньцзиня.

Однако во всех пяти мирах не было места, где бы сменялись крайний холод и жара, и не было и следа того свирепого гигантского ядовитого огненного питона.

Именно поэтому Цинь Чаньюань обошел столько путей, но смог только убить паразитов в теле Сяо Юньцзиня.

Цинь Чаньюань молча стоял у кровати, медленно высвобождая свою духовную энергию. Мягкая, как вода, энергия превращалась в тонкие потоки, проникая в тело Сяо Юньцзиня. В этот момент казалось, что множество нежных рук разглаживают спутанные каналы и очищают засоры в его энергетических меридианах.

<http://bllate.org/book/16414/1487417>